

Александра Ушакова

АРХИТЕКТОРЫ МИРОВ
Дети разлома.

Александра Ушакова Архитекторы Миров . Дети разлома .

<https://litres.ru/73983533>

SelfPub; 2026

Аннотация

Гавриил, судья Держав, уничтоживший Гею-7, погибает в схватке — но его сознание перезаписывают в тело техника Увила. Теперь в одном черепе уживаются холодный палач и человек, тоскующий по дому, по жене с рыжими волосами, по сыну. Погоня за «Растом» становится личной.

Милдра и Аррин несут в трюме двух растущих китов — вселенских садовников, которые перекраивают звезды. Голодные дети растут слишком быстро, и старого корабля им больше не хватает. Беглецы находят убежище на планете-саде, где лес умеет говорить, а живые существа помнят песни древних. Взамен на еду и кров планета дарит им невозможное — новый ковчег из костей и памяти.

Но ржавый флот Держав уже на орбите. Когда падает первый луч, пылают леса, а судья с раздвоенным сердцем делает выбор, который изменит всё. Истина за забором оказывается страшнее и прекраснее, чем они могли вообразить.

Содержание

Глава 1. Сосуд с трещиной	4
Глава 2. Голод	19
Глава 3. Архитекторы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александра Ушакова Архитекторы Миров . Дети разлома .

Глава 1. Сосуд с трещиной

Тишина на мостике «Экзорциста» была иного рода. Это не была священная тишина храма Порядка, где мысль парит в стерильной чистоте откачанного воздуха и гашения всех вибраций, оставляя разум судьи наедине с логикой и приговором. Нет. Здесь царил глухой, болезненный гул вакуума в разбитой голове — акустическая тень перенесенной катастрофы. Судья Гавриил чувствовал каждый сантиметр своего тела как отдельную вселенную боли, где гравитация схлопывалась в сингулярность агонии. Синопсы — нейронные интерфейсы, вживленные еще в юности, ставшие продолжением его воли и рук — теперь пылали кострами белого шума. Сквозь их поврежденные цепи прорывался Скрежет — не просто звук, а акустическое оружие, отзвук той адской симфонии, что спели новорожденные киты Разлома. Он резал сознание, как ржавая пила, оставляя зазубрины на самой структуре личности.

На главной тактической панели, поверх потрескавшегося

голографического проекционного поля, мигали предупреждения о катастрофических повреждениях: разгерметизация секторов с седьмого по двенадцатый, отказ двигательной установки на восемьдесят процентов, критические сбои в системах жизнеобеспечения. «Мать» — коллективный разум Державы, чье присутствие всегда ощущалось на периферии сознания как незримый якорь — молчала. «Папа» — тактический искусственный интеллект корабля, циничный, точный и преданный — был мертв, его квантовые каналы захлебнулись обратной связью от энергетического удара такой силы, что расплавил половину процессорных бань. Впервые за всю службу Гавриил был абсолютно один в черной пустоте, где даже звезды казались подозрительно близкими. И это одиночество было физической раной — ампутированной частью самого себя, кровоточащей открытым нейроинтерфейсом.

Его пальцы, обычно точные и безошибочные, словно хирургические инструменты, теперь дрожали крупной, неконтролируемой дрожью, сползая с сенсорных панелей, испачканных собственной кровью. Он вручную ввел координаты, тыкая в мерцающие иконки с такой силой, будто хотел продавить титан. Рядом с Тартугой — поясом астероидов, служивших естественным укрытием для пиратов и контрабандистов, но также содержащим стратегические объекты Державы. Автоматическая база снабжения и ремонта «Анкор-7». Независимая станция-верфь, способная на полный

цикл восстановления кораблей класса «Экзорцист» и выше. Мысль была ледяной иглой, которую он сознательно вогнал в горящий, пульсирующий болью мозг: *восстановить синопсы. Восстановить корабль. Доложить. Уничтожить.* Три последних слова стали ритмом, синхронизирующим его угасающее сознание с последними искрами жизни в системах.

«Экзорцист» — тысячетонный колосс, созданный для подавления целых систем и усмирения мятежных миров — подходил к базе как слепое, искалеченное животное, что тащит свое израненное тело к водопою, зная, что там могут быть хищники, но не имея сил выбирать. Автопилоты корабля и базы обменялись стандартными запросами идентификации и кодами допуска, считывая транспондеры и сверяя их с миллионами записей в базах данных Державы. И получили в ответ не связный код подтверждения, а разорванный, заикающийся поток боли от пилота — остатки сознания Гавриила, которые он выплеснул в эфир вместе с кровью, сочащейся из лопнувших капилляров. База, руководствуясь протоколом оказания помощи приоритетным судам и опознав в искаженном сигнале ключи высшего допуска, открыла доки. Магнитные захваты и силовые купола активировались, готовясь принять искалеченный корабль.

Стыковка была не стыковкой, а контролируемым падением. Многотысячетонная масса «Экзорциста» врезалась в магнитные захваты с глухим, басовитым стоном, от которого содрогнулись переборки базы на четыре уровня вглубь.

Последние метры корабль прошел по инерции — двигатели умерли окончательно, выплюнув в космос остатки плазмы. Корпус скрипел, как живое существо, плавилась и отслаивалась внешняя обшивка, защитные пластины оплавились и сыпались искрами в вакуум. Внутри все, что не было привинчено к переборкам пятисантиметровыми болтами — инструменты, элементы аварийных систем, даже тяжелые противопожарные баллоны — сорвалось с мест и полетело к кормовым переборкам, сминая пластик и пробивая металл.

Гавриил не почувствовал удара. Он уже был в самом центре взрыва — того, что произошел у него в голове, когда его сознание, лишенное поддержки ИИ, столкнулось с перегрузкой, превышающей все допустимые пороги. Он потерял счет времени. Может быть, это были секунды. Может быть, часы.

Люк шлюзовой камеры взломали. Не с треском, как это сделали бы люди, а с тихим, шипящим вздохом аварийных протоколов, когда атмосфера внутри и снаружи выровнялась, и замки, подчиняясь кодам экстренной медицинской эвакуации, открылись сами. В проем хлынул холодный, стерильный, пахнущий озоном и машинным маслом воздух базы. А следом — механические щупальца ремонтных дроидов, похожие на спрутов из нержавеющей стали и оптоволоконна. Они облепили его кресло, сканируя, анализируя, проникая сканерами сквозь одежду и кожу, чтобы оценить состояние внутренних органов и нейроинтерфейсов.

«Повреждения синопсиса критические, — проговорил

монотонный, лишенный всякой интонации голос одного из андроидов-медиков, чей оптический сенсор светился ровным, немигающим желтым светом. — Нейро-шок третьей степени. Отторжение имплантов на сорок процентов. Физический носитель непригоден для восстановления без полной замены центральной нервной системы».

С другого плеча, прямо в ухо, из которого сочилась темная, вязкая кровь, смешанная с ликвором, прозвучал второй голос, еще более безличный: «Рекомендация: экстренная перезагрузка сознания в резервный биологический носитель для сохранения оперативного контура личности и выполнения боевой задачи. Физический ремонт корабля инициирован. Расчетное время восстановления корпуса — тридцать шесть стандартных часов».

Гавриил попытался говорить. Из его рта вышла только хриплая струйка воздуха и сгусток крови, растекшийся по подбородку. Он заставил себя мыслить буквами, складывая их в команду в уцелевшем уголке рассудка, работая как процессор в аварийном режиме. Мысль высекла искру, и синопсы, умирая, передали последний импульс в остатки нейроинтерфейса.

На голографический дисплей перед его затуманившимся взором вывелись слова, набранные коряво, с пропусками и ошибками, какие бывают только при ручном вводе мыслью через поврежденный интерфейс: **ОТЧЕТ МАТЕРИ. ВКЛ ПЕРЕЗАГР. НОСИТЕЛЬ.**

Сигнал ушел. В эфир, в холодную бездну, к коллективно-му разуму Державы, раскинутому на сотни световых лет. Не доклад судьи, не аналитическая сводка — последний хрип утопающего, его имя и печать на ордере на собственное уничтожение.

Ответ пришел почти мгновенно — шифрованным, узконаправленным импульсом, который приняла и обработала база, прежде чем Гавриил потерял сознание окончательно. Холодный голос «Матери» зафиксировался в логах станции:

Сигнал принят. Данные обновлены. Носитель №447 «Увил», категория «технический резерв», активирован для экстренной перезагрузки. По вектору угрозы, обозначенному как «Раст», направлены: инквизиторы (2), стражи-уничтожители (50). Цель: полная зачистка. Приоритет: немедленное восстановление оператора.

Дроиды подхватили его тело своими манипуляторами — холодными, точными, безжалостными. Он видел, как потолок доков — высокий, металлический, испещренный коммуникациями и фермами — поплыл над головой, слышал мерный, ритмичный гул своих шагов... нет, не своих. Шагов машин, несущих его. Боль начала отступать, сменяясь леденящим, пугающим онемением. Это было хуже боли. Это было как потерять себя по кускам — сначала пальцы, потом руки, потом мысли, превращающиеся в эхо.

Они погрузили его в капсулу. Не в капсулу ремонта, где

ткани регенерируют под действием нанороботов и восстанавливаются клетки. В капсулу крио-погрузки и перезаписи. Резервные носители. Тела, выращенные в стерильных биореакторах на спутниках-верфях, лишенные личности и памяти. Чистые листы. Или не совсем?

Капсула захлопнулась с герметичным, окончательным щелчком. Холод. Темнота. И затем — первая волна жидкого азота, омывающая кожу, впитывающаяся в поры, проникающая в клетки, останавливающая все биологические процессы, чтобы подготовить тело к приему информации.

Процесс перезагрузки — это не сон и не пробуждение. Это... переписывание. Струя чистой, ледяной информации, льющаяся в пустой сосуд, как расплавленный металл в форму. Гавриил ощущал себя этой струей. Он был протоколом, он был приговором, он был холодной, несгибаемой волей «Матери», текущей по оптоволоконным кабелям и нейронным цепям. Он заполнял собой пустоту, вытесняя тьму, создавая порядок из хаоса небытия, структурируя каждый нейрон, каждую синаптическую связь, каждый участок коры в соответствии с матрицей судьбы.

И вдруг — помеха.

Не сбой. Не шум. А... память.

Не его.

Вспышка. Золотистая, хрустящая корочка на теплой булке. Хруст — четкий, удовлетворяющий, отдающий в челюсти. Жирный, сочный вкус во рту — мясо, овощи, соус, сме-

шипящиеся в нечто простое, запретное, абсолютно чуждое аскетичному бытию судьи. Неизвестное слово, всплывшее из глубин: «бургер». И чувство — простое, теплое, животное, не требующее никакой высшей цели — удовлетворение. Гавриил мысленно отшатнулся. Вирус? Внедрение? Сбой носителя? Он усилил напор, сжал поток данных в более плотный луч, пытаясь сжечь, вытравить эту чужеродную картинку, залить ее кодами служебных протоколов и тактических матриц.

Вспышка. Холодная, влажная, шипящая банка в руке. Капельки конденсата, скользящие по пальцам. Горьковатый, хлебный, чуть сладковатый запах, ударяющий в нос при вдохе. Смех — гортанный, искренний, мужской. Голоса вокруг, не отдающие приказы, не требующие подчинения. Слово: «пиво». И чувство — расслабленность, легкое головокружение, тепло, разливающееся по телу, и острое, щемящее чувство принадлежности к стае. К своим.

Это было отвратительно. Это было грязно. Это было... живо. Так живо, что у Гавриила, не имеющего сейчас физического тела, возникло ощущение тошноты — чистый рефлекс отторжения чужеродного кода.

Он боролся. Он, судья, чье сознание было отточено до состояния лезвия, рубил эти всплывающие обрывки, отправляя их в корзину, стирая, перезаписывая. Но они были не в оперативной памяти. Они были не на поверхности, где он мог бы их контролировать. Они были вшиты глубже — в мы-

шечную память, в обонятельные рецепторы, в базовые, древние эмоциональные отклики, зашитые в архитектуру этого носителя. Это была не запись, которую можно удалить. Это был отпечаток. Жизнь, прожитая в этом теле, оставила в нем каналы, русла, по которым текли чувства, и даже самая мощная перезапись не могла их уничтожить полностью.

Вспышка. Женский смех. Нежный, с хрипотцой, узнаваемый до дрожи. Рука, касающаяся щеки — мягкая, теплая, пахнущая чем-то цветочным и домашним. И имя... имя тонуло в синаптическом шторме, растворялось в белом шуме перезагрузки, но оставалось чувство: тихая, абсолютная радость. И еще одно лицо, маленькое, с широкой, беззубой улыбкой, с глазами, смотрящими с полным, безусловным доверием. Ответственность. Любовь. Такой силы, что Гавриил, привыкший оперировать только категориями долга и приговора, на мгновение потерял контроль над потоком данных.

Гавриил закричал. Но у него не было голоса. Был только протестующий, агонизирующий импульс, который растворился в нарастающем потоке системных данных, в шипении охлаждающих систем, в безразличном гуле оборудования. Он кричал, пока последний бит его личности не встал на место, пока матрица судьбы не заняла каждый уголок этого чужого, враждебного разума.

Он открыл глаза.

Он лежал в капсуле, крышка которой теперь тихо, с гидравлическим шипением, открывалась, выпуская облачко хо-

лодного пара. Холодный, сухой воздух базы обжег кожу — кожу, которая была другой. Более чувствительной. Он поднял руку — движение вышло плавным, без дрожи, но с ощутимой инерцией, с весом, которого у его прежнего тела не было. Рука была другой. Моложе, с более короткими пальцами, с широкой ладонью рабочего. На запястье, чуть выше пульсирующей голубоватой вены, белел след от старого ожога — неровный, келоидный рубец, который не стали сводить даже генной терапией. Шрам. След жизни. След чужой жизни.

Он сел. Движение потребовало чуть больше усилий, чем он ожидал — мышцы были плотными, но не тренированными под боевые нагрузки. Зеркальная поверхность открытой крышки капсулы отразила его. Незнакомое лицо. Кругловатое, с мягким, чуть тяжеловатым подбородком, с карими глазами, в которых вместо ожидаемого тепла застыло абсолютно чуждое им выражение ледяной дисциплины и презрения. Волосы темные, волнистые, спадают на лоб — непорядок, требующий немедленной коррекции. Тело коренастое, сильное, с широкой грудной клеткой и мощными плечами — тело рабочего, техника, цехового мастера, но никак не аристократа-судьи, чье тело было вылеплено генной инженерией и годами боевых тренировок.

«Загрузка завершена, — проговорил он вслух, проверяя артикуляцию. Его голос был ниже, грубее, с хрипотцой, которую он не просил. В нем не было прежней металличе-

ской звонкости, той отточенной, как лезвие, чистоты тембра, которая заставляла подчиненных вытягиваться по стойке смирно. Он был... обычным. Человеческим».

В мозгу немедленно всплыл отклик — его собственный, чистый, структурированный: *«Голосовые связки в норме. Тембр не соответствует служебному стандарту. Требуется голосовая коррекция при первой возможности»*. Это был его мыслительный процесс. Ясный. Холодный. Функциональный. Но снизу, из глубин этого нового, чужого мозга, из лимбической системы, не подчиняющейся приказам, поднимался другой отклик, сформированный не логикой, а памятью тела: *«Голос как у отца. Похож. Отец тоже так говорил. Низко. Спокойно»*.

Гавриил стиснул зубы. Челюсти сжались с силой, которая удивила его самого — этот носитель обладал мощным жевательным аппаратом, привыкшим к грубой пище. *Больше нет*, — приказал он себе. *Эти отклики будут подавляться. Это помехи. Шум.*

Он встал. Тело подчинилось мгновенно, но движение было чуть более тяжеловесным, чуть более физическим, чем он привык. Каждый мускул откликался с небольшой задержкой, словно сигнал проходил через более длинную цепь. Дроид-служитель, ожидающий у капсулы, подал ему простой серый комбинезон из технической ткани, без знаков различия, без нашивок. Он натянул его на себя. Ткань была грубоватой, плохо гнулась, натирала под мышками. Она пахла антисеп-

тиком — резким, синтетическим, стерильным. И под этим запахом, въевшимся в ткань, ему почудился другой, более стойкий: масла, металлической стружки, пота. Запах цеха. Запах ремонтной зоны. Запах человека, который работал руками.

Он вышел из камеры перезагрузки в стерильный, выбеленный коридор базы. Свет был ровным, без теней, без жизни. Его разум, наконец-то освобожденный от боли, уже работал на полную мощность, анализируя обстановку, просчитывая варианты, выстраивая приоритеты. Корабль ремонтируется — тридцать шесть часов до полного восстановления корпуса, еще двенадцать до калибровки систем. Инквизиторы и стражи-уничтожители уже в пути, их двигатели разгоняют их по маршруту, проложенному «Матерью». Цель — «Раст» — координаты известны, вектор подтвержден. План формировался с привычной для судьи скоростью — холодный, безжалостный, идеальный.

Но параллельно, фоном, как назойливая, невозможная к отключению мелодия, тек другой поток. Не мысли даже — ощущения, облеченные в слова, рождающиеся где-то в стволе мозга, куда не доходит дисциплина.

«В отсеке В-7, на третьем ярусе, должен быть автомат с синтезатором. По стандартной спецификации баз такого типа, он может делать приличный кофе — не тот концентрат, которым питаются на кораблях. И бутерброды. С сыром. Горячие. Голоден. Почему голоден? Это тело требу-

ет калорий. Уровень сахара в крови падает. Это неэффективно. Нужно восполнить».

«Проверить фалангу указательного пальца правой руки. Старая травма — перелом, неправильно сросшийся, должен ныть при смене давления. Сейчас давление в норме. Нет. Чувствительность в норме. Интересно. Это тело умело восстанавливаться. Сильная иммунная система».

«Где метки? На комбинезоне нет имени. Нет номера. Раньше здесь было вышито: "Увил. Техник 3-го разряда. Сектор 7. Цех сборки двигательных групп". Теперь пустота. Стерли. Как и его».

Гавриил остановился посреди белого, безликого, бесконечного коридора. Звук его шагов затих, поглощенный акустическими панелями. Он сжал кулаки. Чужая рука сжималась в чужой кулак, и он чувствовал, как ногти впиваются в ладонь с непривычной, обостренной остротой.

«Молчи, — прошептал он вслух, обращаясь не к дроидам, не к базе, а к тому, кто жил здесь до него. Голос прозвучал как приказ — стальной, жесткий, не терпящий возражений. И в то же время — как мольба. Как просьба о пощаде, которую судья не имел права произносить».

Внутри что-то дрогнуло. Затихло. Съежилось, спряталось в самые дальние уголки лимбической системы, за щитами префронтальной коры, подавленное волей, привыкшей к абсолютному контролю. Но не исчезло. Оно притаилось там, в запахах и шрамах, в мышечной памяти и обонятельных лу-

ковицах. Готовое вспыхнуть снова при первом ослаблении внимания. Готовое напомнить о себе запахом кофе, вкусом хлеба, теплом чужой руки.

Он был судьей Гавриилом. Его миссия была ясна: уничтожить угрозу по имени Раст, стереть в пыль систему, где укрылась ересь, восстановить волю Державы. Его воля — непоколебима. Его приговор — окончателен.

Но теперь он обитал в теле человека по имени Увил. В теле, которое знало усталость и голод, радость простой еды и тепло семьи. В теле, каждая клетка которого хранила память о жизни, которую Гавриил презирал. И где-то в подкорке, среди схем двигателей и запаха масла, среди воспоминаний о смехе и детском лепете, спал парень, любивший пиво, бургеры и свою жену. Парень, который не хотел умирать и чье тело теперь стало тюрьмой для палача.

Это соседство было невозможно. Это была мина замедленного действия, тикающая в самом сердце машины возмездия. Это был Разлом, открывшийся не в космосе, а внутри него самого.

Он сделал шаг. Потом другой. Он шел к мостику базы, чтобы взять под контроль ремонт «Экзорциста», чтобы ускорить процесс, чтобы надеть скафандр и вернуться в свое прежнее тело, если его еще можно было спасти. Каждый его шаг отдавался эхом в двух сознаниях. Одно строило планы тотального уничтожения, просчитывало траектории полета инквизиторов, распределяло приоритеты зачистки. Другое

смутно, неоформленно тосковало по чашке горячего, горького кофе и по чему-то еще, чему у Гавриила не было названия.

Охота продолжалась. Армада Державы уже двигалась к цели, неся смерть и порядок. Но охотник только что обрел душу — чужую, непрошеную, враждебную. И это было худшим, что могло с ним произойти. Хуже, чем смерть. Хуже, чем поражение. Потому что теперь, когда он нажмет на спуск, рука, которая это сделает, помнит, как гладить детскую голову. И Гавриил не знал, сможет ли он с этим жить.

Он не знал, захочет ли.

Глава 2. Голод

Тишина на «Расте» была иной — не вакуумной мертвенностью «Экзорциста» и не стерильным безмолвием баз Державы. Здесь царила тишина густая, тёплая, почти осязаемая, наполненная низким, едва уловимым гудением, которое исходило из глубины трюма, пронизывало переборки, отдавалось в рёбрах корабля, заставляя его старый корпус резонировать на частотах, не предусмотренных конструкторами. Это было дыхание спящих гигантов. Или не совсем спящих. Вибрация имела ритм — медленный, как прибой, и в этом ритме угадывалось нечто большее, чем просто биологические процессы. Там, внизу, кто-то видел сны. Сны о звёздных яслях и туманностях-матерях.

Милдра спускалась по трапу медленно, бережно, как входят в храм, где каждый шаг — молитва, а каждое прикосновение — святотатство или благословение. Её новая рука — сложный биомеханический гибрид из сплавов, выращенных пиратами Тартуги, технологий Держав, перепаянных в полевых условиях, и чего-то, что могла дать только её собственная изменившаяся плоть, прошедшая через Разлом и вышедшая с другой стороны не той, что прежде, — лежала на холодном поручне. Металл под пальцами казался живым, отзывался на прикосновение микроскопической вибрацией. В пальцах пробегали лёгкие импульсы — не электрические

разряды, а предчувствие, сродни тому, как ноет старый шрам перед бурей. Рука помнила. Не так, как мозг, складывающий события в хронологию. Она помнила на ощупь, на клеточном уровне, на уровне тех самых изменений, которые сделали её не совсем человеком. Она помнила момент рождения этих существ, когда «Хранитель» разверз реальность, и из невозможного хлынуло возможное.

Трюм преобразился до неузнаваемости. То, что ещё неделю назад было грузовым отсеком с ржавыми паллетами и запахом машинного масла, теперь напоминало святилище или, если смотреть без предубеждений, чрево. Стены, пол и потолок были покрыты слоем самовоспроизводящейся биоплёнки, которую Блу синтезировал на основе образцов, добытых на Тартуге с огромным риском. Она росла прямо на глазах, пульсируя мягким, призрачно-голубым светом, синхронизированным с ритмом китов, и каждый пульс отдавался тихим, влажным шорохом. Воздух стал влажным, тяжёлым, пахнущим озоном — следствие мощных электромагнитных полей, которые генерировали существа, и чем-то сладковато-солёным, напоминающим запах моря в шторм, смешанный с запахом живой плоти и чем-то первородным, что не имело названия в словарях Державы.

Они ждали её.

Два существа, каждое размером уже с небольшой шаттл — их рост за прошедшие дни превысил все прогнозы Блу в четыре раза, — плавали в невесомости трюма, удержива-

емые собственным слабым гравитационным полем, которое искажало свет вокруг них, создавая ореолы, как у планет-гигантов на учебных схемах. Они изменились за время бегства. Изменились так, как меняются дети, когда каждое мгновение приносит новое открытие о мире и о себе.

Серый кит — Ууупууу, как назвал его Блу, зафиксировав частотный паттерн, который тот использовал для самоидентификации — действительно напоминал живое облако, сгусток тумана, в котором угадывались очертания живого существа. Его шкура переливалась, как перламутр, отражая свет биоплёнки тысячью оттенков — от серебристо-белого до глубокого, фиолетового на изгибах. На гладкой прежде морде, лишённой каких-либо внешних органов чувств, кроме огромных глаз, появились длинные, чувствительные усы-вибриссы, которые постоянно двигались, ощупывая пространство, словно пальцы слепого музыканта, ищущего нужную клавишу. Над основными огромными, бездонными глазами цвета расплавленного серебра открылась ещё одна пара — поменьше, более сфокусированных, с вертикальным зрачком, изучающих мир с пугающей, недетской внимательностью. Его плавники обросли причудливыми наростами, похожими на кораллы или ветвистые деревья, которые светились изнутри мягким серебристым сиянием, и интенсивность этого свечения менялась в зависимости от настроения, от лёгкого мерцания любопытства до яркой вспышки радости. Именно этими плавниками он, словно дирижёр, водил

по воздуху, и в такт этим движениям Блу получал пакеты данных, с каждым днём всё более сложные и структурированные.

Второй, Аауаа, был цветом ночного океана в лунную ночь — чёрно-голубой, с мерцающими вкраплениями, похожими на далёкие звёзды, застывшие в глубине его плоти. Его формы были более угловатыми, «капельными» — вытянутое тело, сужающееся к хвосту, с острыми, почти хищными гребнями вдоль спины, которые при движении складывались и раскладывались, как веер, меняя аэродинамику. Его «кораллы» на плавниках светились холодным голубым, почти фиолетовым, и в отличие от тёплого, рассеянного света Облачка, его сияние было сфокусированным, направленным, словно прожекторы, высвечивающие интерес. Он был меньше, чем Облачко, но казался более плотным, более сконцентрированным, как остывшая звезда, сжимающаяся под собственной гравитацией.

Милдра подплыла к Ууупууу, позволив новой руке коснуться его шкуры. Кожа кита была тёплой, упругой, вибрировала под пальцами, как струна, на которой только что сыграли. И тут же — не через уши, не через вибрацию, не через свет — а прямо в сознание, в ту самую область, где когда-то горела, не утихая, боль от Форджа, где разрыв с реальностью оставил шрам, ставший теперь окном, пришла чёткая, простая, невероятно яркая мыслеформа, окрашенная нетерпеливым, детским любопытством: «**ХОЧУ ИГРАТЬ.**» Это бы-

ло не слово, а целый мир, втиснутый в мгновение: образы мелькающих теней, преследования, угадывания, смеха — если бы киты умели смеяться — и огромной, всепоглощающей радости движения.

Милдра отдернула руку, будто обожглась, и в груди заколотилось сердце — и живое, и механическое, сбиваясь с ритма. Это было не эхо боли, не отголосок памяти, преследующий её по ночам. Это было настоящее, живое, осознанное **хочу**, сформированное личностью, которая только училась хотеть. Она перевела взгляд на Аауаа. Чёрно-голубой кит повернул к ней обе пары глаз, и в больших, основных, плавала глубокая, древняя печаль, а в малых, сфокусированных, горело нетерпение. Она снова прикоснулась, на этот раз решительно, не позволяя себе отступить.

В сознание хлынул образ, лишённый слов, но насыщенный смыслом до краёв: вспышка сверхновой, но не та, что показывают в учебных голографиях — красивая и далёкая, — а изнутри, с точки зрения той, что умирает. Газовые гиганты, срывающие свои атмосферы в объятия огня, материя, превращающаяся в чистую энергию, и над всем этим — чувство: пустота. Не просто отсутствие, а активная, сосущая, всепоглощающая пустота, которая требует заполнения, требует, чтобы её утолили, насытили, успокоили. **«КУШАТЬ ХОЧЕТСЯ.»** Это было не желание — это была потребность, сравнимая с необходимостью дышать.

«Ох,» — только и смогла выдохнуть Милдра, прижимая

руку к груди, чувствуя, как дрожат пальцы — и бионические, и настоящие. Она смотрела на них — на эти два чуда, два ужаса, две надежды — и понимала, что космос, в котором они теперь обитали, стал тесен.

Свет в трюме слегка изменил оттенок, став более ровным, и на одной из стен, свободной от биоплёнки, проявился голографический контур, принявший очертания Блу — простой сферы с пульсирующим «глазом», который сейчас вращался быстрее обычного, выдавая повышенную вычислительную активность. Его голос, всегда спокойный, точный, лишённый лишних эмоций, зазвучал из динамиков системы оповещения, но сейчас в нём слышались нотки, которые любой другой ИИ назвал бы «озабоченностью».

«Им скучно, капитан Милдра. Я развлекал их, как мог, в течение последних девяноста трёх часов: проецировал звёздные карты с высоким разрешением, математические паттерны, фрактальные последовательности, воспроизводил доступные аудиозаписи, включая вокальные партии из опер Державы, которые, к моему удивлению, вызвали наибольший отклик. Их когнитивная активность растёт экспоненциально — скорость обработки информации увеличилась на четыреста процентов за последние двое суток. Они освоили базовую коммуникацию через модифицированные плавники с эффективностью, превышающей первоначальные прогнозы в шесть раз. Что касается питания... все питательные вещества из рециркулированной органической жидко-

сти, включая аварийные запасы, предназначенные для экипажа из двадцати человек на три месяца, они усвоили за последние сорок семь часов. Вопрос становится критическим: чем их питать? Их биомасса увеличилась на тридцать процентов от исходной, и темпы роста ускоряются. По текущим расчётам, через семьдесят два часа они достигнут размеров, при которых нахождение в трюме станет для них физически стеснительным».

Милдра обвела взглядом трюм, этих двух чудесных, огромных, вечно голодных детей, которые смотрели на неё с надеждой и терпением, удивительным для существ, способных поглотить энергию звезды. Серьёзность момента — осознание того, что они могут остаться без пищи и что это значит для них и для корабля — боролась в ней с неподдельным, почти болезненным изумлением перед тем, что она создала, что вышло из неё и из Разлома, что теперь требовало от неё большего, чем она могла дать.

«Им нужно... имена, — тихо сказала она, скорее себе, чем Блу или Аррину. — Вслух. Для нас. Для того, чтобы мы могли говорить о них, думать о них как о... ком-то. Не просто о китах».

За её спиной раздался сдержанный кашель — тот самый, который она научилась распознавать как попытку Аррина скрыть неловкость или дать себе секунду, чтобы собраться с мыслями. Аррин стоял на трапе, не решаясь спуститься полностью, опираясь одной рукой на поручень, другой — на по-

яс, где висело оружие, которое он так и не научился носить с той непринуждённостью, с какой носил его Гавриил. Его лицо, всё ещё отмеченное усталостью бегства и грузом ответственности за судьбы — не только свои, но и этих существ, и, возможно, чего-то большего — теперь выражало растерянность, свойственную отцу перед необъяснимыми потребностями новорождённых. Он смотрел на гигантские тела, проплывающие в невесомости, и, кажется, впервые осознал, что их «дети» никогда не будут играть с погремушками или учиться ходить.

«Кхм... Да. Было бы неплохо, — согласился он, спускаясь на одну ступень ниже, но всё ещё держась на безопасном, как ему казалось, расстоянии. — Для отчётов. Для... обращения. Чтобы было к кому обращаться, когда просишь не есть двигательную установку».

Милдра указала на серого кита, который в этот момент медленно перевернулся в воздухе, подставляя брюхо с едва заметными, светящимися линиями, похожими на меридианы на карте неизвестной планеты.

«Облачко».

Затем на чёрно-голубого, который замер, услышав её голос, и смотрел на неё всеми четырьмя глазами, ожидая.

«Капля».

Аррин прикрыл глаза, выразительно, очень театрально вздохнул, и на его лице, на мгновение, исчезла вся усталость, уступив место той лёгкой, язвительной интонации, которая

делала его невыносимым для начальства и незаменимым для тех, кто привык к его цинизму.

«М-да. Великий архитектор, перевернувший представления о реальности, спасший остатки экипажа ценой собственного рассудка, мать двух существ, способных питаться звёздным веществом, — а имена давать не умеешь. Это не клички для боевых кораблей, Милдра. "Облачко" и "Капля". Что дальше? "Пушистик" и "Снежок"?»

Милдра бросила на него взгляд, в котором смешались усталость, раздражение и что-то ещё — тёплое, привычное, что позволяло ей терпеть его язвительность уже столько лет. «Предлагаешь назвать их "Коготь" и "Шип"?»

«Я предлагаю подойти к вопросу серьёзнее, — начал было Аррин, но его прервал Блу, чей голос прозвучал с лёгкой, почти что обидной для искусственного интеллекта прямоотой.

«У них есть имена, определённые по паттернам их базовых мыслеформ и звуковым колебаниям, которые они генерируют в среде при самоидентификации. Серый — Ууупууу. Голубой — Аауаа. Я записал их в судовой журнал, классифицировал и использую для внутренних отчётов с момента их первого появления».

Милдра скрестила руки, и её новая рука, подчиняясь жесту, мягко щёлкнула суставом — звук, к которому она всё ещё не привыкла, но который уже стал её.

«Я не говорю на китовом, Блу. Я не различаю модуляции, которые для тебя очевидны. Для меня — Облачко и Капля.

Пока не придумаю лучше. Или пока они сами не представятся так, чтобы я услышала».

Аррин, наконец, решился и спустился к ней, двигаясь осторожно, с той грацией человека, который привык к гравитации и не очень доверяет невесомости. Он остановился рядом, держась за поручень, и смотрел на Каплю (Аауаа), который явно проявлял к нему повышенный интерес, медленно подплывая ближе, чем Аррину хотелось бы.

«Ладно, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Пусть будут Облачко и Капля. Имена — это дело наживное. Более насущный вопрос: что они едят? Мы не можем подвозить им каждые два дня цистерны с органикой. Они... углеродная жизнь? Или что-то иное? Их спектральный состав...»

«Анализ продолжается, — ответил Блу, и на голограмме начали сменять друг друга сложные диаграммы, молекулярные формулы, трёхмерные модели метаболических путей, которые выглядели как карты неизведанных подземелий. — Однако предварительные данные по спектральному сканированию их метаболических процессов и остаточным элементам в отработанной жидкости, которую они выделяют в процессе жизнедеятельности, вызывают значительный интерес. Значительная часть усвоенных элементов имеет спектральную сигнатуру, не соответствующую стандартной органике, металлам или минералам, присутствующим на корабле. Более того, концентрация некоторых изотопов превыша-

ет фоновую в десятки тысяч раз».

На голограмме всплыли графики спектрального анализа, наложенные на диаграмму звезды главной последовательности — желтого карлика, похожего на тысячи других. Ключевые элементы — гелий-4, водород, дейтерий, следы лития, углерода, кислорода, ионизированного железа — светились совпадающими цветами, их пики идеально накладывались на звёздные спектры.

«Приблизительно шестьдесят восемь целых и три десятых процента усвоенной массы имеет сигнатуру, характерную для звёздного вещества, подвергшегося процессам нуклеосинтеза в недрах звезды на поздних стадиях эволюции. Проще говоря, они съели не просто "пищу" в обычном понимании этого слова. Они усвоили то, что по изотопному составу и энергетическому потенциалу напоминает... вещество из недр звезды. Возможно, остаточное излучение сверхновой. Возможно, что-то ещё, для чего у нас нет названий».

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим, ритмичным гулом китов, которые словно прислушивались к разговору, и биением пульса в новых сосудах Милдры — тот, который не совпадал с ритмом её живого сердца, создавая сложную полиритмию, пугающую и завораживающую.

«Вещество... звёзд?» — Аррин произнёс это с таким недоверием, будто Блу сообщил, что киты питаются поэзией или тёмной материей. Он провёл рукой по лицу, снимая несуществующую усталость. «Это невозможно. Мы не пере-

возили звёздную плазму. Да её и не удержишь в таком количестве — температура, давление, излучение... Наш трюм не рассчитан на хранение фрагментов звёзд».

«Совершенно верно, — парировал Блу, и его голос, если бы он мог иметь выражение, звучал бы терпеливо, как у учителя, объясняющего пропустившему ученику. — Мы её не перевозили. Следовательно, есть два варианта интерпретации полученных данных. Вариант первый: они трансмутировали обычные элементы, присутствовавшие в питательной среде, в более сложные и энергоёмкие, используя неизвестный нам биологический процесс, аналогичный звёздному нуклеосинтезу, но протекающий в микроскопических масштабах при комнатной температуре. Это маловероятно с точки зрения известной физики, но не может быть полностью исключено, учитывая их происхождение от артефакта, нарушающего базовые законы пространства-времени».

«А второй вариант?» — спросила Милдра, не отрывая глаз от Капли. Тот медленно мигал всеми четырьмя глазами, и в ритме этих миганий угадывалась последовательность, почти речь. Она чувствовала, как её новая рука начинает слегка вибрировать в такт этим миганиям, словно настраиваясь на одну частоту с существом.

«Второй вариант, — голос Блу стал тише, почти конспирологическим, словно он опасался, что его услышат те, кому не следует знать, — они воспользовались тем, что получили при рождении. Вы родили их, капитан Милдра, исполь-

зую "Хранитель" — систему, созданную для нарушения локальной пространственно-временной связности, для создания разломов в ткани реальности. Они — дети Разлома. Буквально. Их метаболизм, вероятно, не ограничен тем, что физически находится в трюме, в грузовых отсеках, в реакторной. Возможно, они... подключаются. К фону. К остаточному излучению Большого взрыва, которое пронизывает всё пространство. К квантовой пене, из которой рождаются и исчезают виртуальные частицы. К самой ткани пространства, которая несёт в себе отпечаток каждого нуклеосинтеза, каждого взрыва сверхновой, каждого рождения звезды. Они не едят пищу в привычном смысле. Они поглощают потенциальную энергию вселенной. Сам её "вкус". Её историю, записанную в реликтовом излучении».

Аррин медленно, очень медленно сел на ближайший выступ — бывший крепёж для грузовых контейнеров, теперь покрытый биоплёнкой, которая мягко прогнулась под его весом. Он потирал виски кончиками пальцев, и в этом жесте было столько отчаяния, сколько Милдра видела в нём, пожалуй, только один раз — когда они поняли, что их корабль обречён, а Держава оставила их умирать.

«То есть наши дети, — сказал он медленно, проговаривая каждое слово, словно пробуя его на вкус, — это... вселенские вампиры? Милдра, ты родила богов с аппетитом на солнечный ветер и реликтовое излучение. Что мы будем делать, когда они проголодаются в следующий раз? Останавливать-

ся у ближайшей звезды и просить "добавки"?»

«Не богов, — возразила Милдра, и её голос прозвучал твёрже, чем она сама ожидала. Она оттолкнулась от поручня и подплыла ближе к Облачку, чувствуя, как её тело, ещё не до конца привыкшее к невесомости, движется плавно, почти грациозно. Она снова коснулась его тёплой, пульсирующей кожи, и на этот раз не отдернула руку. Она слушала. Голод Капли был острым, требовательным, с металлическим привкусом на грани восприятия — он бил прямо в ту часть сознания, которая отвечала за выживание, не оставляя места сомнениям. Желание играть Облачка было настойчивым, но пока терпеливым, окрашенным в тёплые, золотистые тона, которые успокаивали, убаюкивали, обещали, что оно подождёт, пока решатся важные дела. «Они живые, Аррин. Они растут. Им нужна забота. А не ярлыки. Не важно, из чего они сделаны и чем питаются. Они наши. Мы не бросили их, когда они родились, и не бросим теперь».

Она обернулась к голограмме Блу, и в её взгляде, тёмном, глубоком, с той самой искрой, которая когда-то заставила её пойти против приказа и спасти экипаж ценой всего, горела решимость.

«Можно ли синтезировать что-то, что будет имитировать эту... звёздную сигнатуру? Из наших запасов? Из отходов реактора? Из чего угодно? У нас есть накопители антиматерии, есть плазменные ускорители, есть...»

«Можно попытаться, — ответил Блу, и его голос стал де-

ловым, озабоченным, просчитывающим варианты. — Реактор на гибридной аннигиляции выдаёт спектр высокоэнергетических частиц в широком диапазоне. Часть из них, после соответствующей обработки и замедления, может быть преобразована в подходящие изотопы — в основном тяжёлый водород, гелий-3, литий. Однако это будет крайне неэффективно с энергетической точки зрения. Коэффициент полезного действия такого преобразования не превысит ноль целых семи десятых процента. Мы исчерпаем запасы антиматерии, необходимые для работы двигателей и систем жизнеобеспечения, за шесть-семь дней, пытаюсь накормить их на один-два приёма. Это не решение».

«Значит, ищем другой способ, — твёрдо сказал Аррин, поднимаясь с выступления, и в его голосе вновь зазвучали нотки инспектора, оценивающего ресурсы, просчитывающего логистику, ищущего уязвимости. Эта привычка — переключаться на профессиональное, когда личное становилось невыносимым — спасала ему жизнь не раз. — Блу, проанализируй их "песню". Ту, что они передают тебе плавниками. Если они могут просить "кушать", значит, могут и указать, где это "кушать" есть. Они же ведут нас куда-то. С самого начала, с момента рождения, мы движемся не по случайной траектории. Может, ведут к... столовой. К месту, где эта... еда... есть в изобилии».

Милдра кивнула, и в её взгляде, усталом и решительном одновременно, вспыхнула надежда — та самая, которая поз-

воляла ей не сдаваться даже тогда, когда за ними охотился весь флот Державы, а в трюме умирали от голода люди.

«Да. Они не просто так ведут. Они что-то знают. Чувствуют. Они часть этого космоса — не так, как мы. Они слышат его, чувствуют его пульс».

Она повернулась к китам, раскинув обе руки — живую и новую, бледную и смуглую, с рубцами и шрамами, с вживлёнными интерфейсами и чистой кожей — и в этом жесте было что-то древнее, жертвенное, материнское.

«Ладно, малыши. Вы хотите играть? Давайте играть. Покажите нам, куда лететь. Нарисуйте карту. Мы найдём вам еду. Вместе».

Облачко (Ууупууу) встрепенулся всем своим огромным телом, от хвоста до кончиков вибрисс. Его серебристые «кораллы» вспыхнули ярче, заливая трюм холодным, чистым светом, в котором даже биоплёнка казалась прозрачной, а переборки — почти невесомыми. Он издал низкий, вибрирующий звук — не тот, что можно было услышать ушами, а тот, что чувствовался костями, зубами, каждой клеткой тела. От этого звука задрожали стены трюма, загудели переборки по всему кораблю, и где-то в камбузе со звоном упала кружка, оставленная кем-то из немногочисленного экипажа. Капля (Аауаа) отозвался мгновенно, его фиолетовое сияние стало пульсировать в такт, создавая сложный, перекрёстный ритм, в котором угадывалась мелодия — нечеловеческая, непостижимая, но несомненно музыкальная.

На голограмме Блу замелькали потоки данных с такой скоростью, что человеческий глаз не мог бы уловить ни одного отдельного символа. Там были не цифры и не координаты — там были образы, чувства, направления, спрессованные в пакеты информации, которые Блу расшифровывал, переводил, накладывал на звёздные карты. Звёздные скопления, туманности, странные гравитационные аномалии, области с аномально высокой плотностью тёмной материи, пульсары с уникальными частотами. И сквозь этот хаос, сквозь тысячи образов, сменяющих друг друга, проступал чёткий, повторяющийся узор. Точка притяжения. Место, которое притягивало их так же сильно, как голод. Далёкая, холодная область космоса, почти лишённая звёзд, но излучающая на уникальной, ультранизкой частоте. Частоте, которая идеально, с точностью до тысячных долей герца, совпадала с их собственным гулом, с их «песней», с их дыханием.

«Я получаю навигационные данные, — сообщил Блу, и в его голосе, лишённом эмоций по определению, впервые прозвучало нечто, что можно было назвать благоговением. — Это не координаты в обычном смысле, не трёхмерная точка в пространстве. Это... мелодия. Последовательность частот и фазовых сдвигов, которая задаёт направление. Мелодия голода и дома. Они ведут нас к источнику — не обязательно к пище, но к месту, где, по их ощущению, пища есть. Я начинаю прокладывать курс. Расчётное время прибытия при текущем уровне энергоресурсов — сто сорок три стандарт-

ных часа. При условии, что мы не будем совершать манёвров уклонения».

Аррин и Милдра обменялись взглядами. В его взгляде была тревога — глубокая, застарелая тревога человека, который слишком хорошо знал, что в космосе ничего не даётся даром, и если есть место, где можно накормить богов, то это место охраняется. В её взгляде была решимость — та самая, что заставляла её идти в Разлом, рожать в пустоте, брать на себя ответственность за существа, которых никто не просил её спасать. И ещё в её взгляде была нежность — безграничная, безусловная, та, что позволяет матери смотреть на своё дитя и видеть не чудовище, не бога, не оружие, а просто — ребёнка, которого нужно накормить, утешить, защитить.

Их ковчег, старый грузовой корабль, переделанный в убежище, нёс в трюме не просто надежду на спасение. Он нёс двух вечно голодных, стремительно растущих детей, чей аппетит, если верить расчётам Блу, мог поглотить целые миры, высосать энергию из звёзд, оставить после себя пустоту, где когда-то была жизнь. И они должны были найти для них пищу, опережая того, кто теперь — как они ещё не знали — боролся с призраком бутерброда и пива в чужом разуме, жаждущем только мести, только уничтожения, только возвращения к порядку любой ценой.

Охота продолжалась. Флот Державы, направляемый волей судьбы, закованной в чужое тело, уже двигался по их следу, неся смерть и очищение. Но «Раст» был теперь не про-

сто беглецом, спасающим свою шкуру. Он был нянькой, кормильцем и слугой двух юных божеств, которые только учились быть живыми — играть, чувствовать голод, видеть сны о звёздных яслях. И в этой гонке, где на кону стояло всё, у них было преимущество, о котором палачи Державы даже не догадывались: они бежали не от смерти. Они бежали к дому. К месту, где даже боги могут насытиться и уснуть спокойно.

Вот результат глубокой литературной редакции третьей главы. Текст расширен за счет детализации космических явлений, углубления внутреннего мира персонажей, проработки физики взаимодействия китов со звездой, а также добавления технических и сенсорных деталей. Сохранены все ключевые сюжетные точки, диалоги и стилистика.

Глава 3. Архитекторы

Путь, проложенный песней китов, привел «Раст» к краю живого космоса — туда, где звезды рождаются и умирают в одиночестве, где светила не обзаводятся семьями планет, а догорают в пустоте, никем не оплаканные. На сенсорах вместо яркого, уверенного светила мерцала бледная, дрожащая точка — красный гигант на последнем издыхании. Звезда, некогда, возможно, величественная, раздулась до чудовищных размеров, её внешние слои медленно, с невыразимой усталостью истекали в вакуум, образуя клочья светящейся туманности — космический саван, сотканный из собственной плоти. Это была не смерть в яркой вспышке сверхновой, не торжественный катаклизм, рождающий тяжелые элементы. Это была долгая, тягучая агония — угасающий вздох того, кто слишком долго горел и теперь не мог ни остановиться, ни уйти красиво.

Милдра стояла на мостике, вцепившись пальцами в панель управления, и смотрела на оранжево-багровый шар, укутанный в собственные похороны. Её новая рука, обычно собранная и точная, мелко вибрировала — не от неисправности, а от того глубинного, животного отклика, который она научилась распознавать как сигнал опасности. Звезда пульсировала, и каждый пульс отдавался в биомеханических сенсорах слабой болью, словно где-то в глубине умирало что-то

огромное и старое. Тревога сжимала ей горло, делала голос хриплым.

«И как, интересно, мы их будем тут кормить?» — пробор-мотала она, обращаясь скорее к самой себе, к той части сознания, которая всё ещё сомневалась, пыталась найти рациональное объяснение тому, что происходило. Плазма? Излучение? Она видела, как на тактических экранах Блу отображал температуру внешних слоёв звезды — миллионы градусов. Она знала, что ни один известный материал не выдержит такого. Но они вели сюда не для того, чтобы смотреть.

В трюме, судя по данным с камер наблюдения, царило необычное оживление. Блу, откликаясь на её безмолвный запрос, транслировал на дополнительный монитор изображение: Облачко и Капля метались в своём гравитационном поле, которое внезапно стало пульсировать с частотой, не фиксировавшейся прежде. Их окраска изменилась — стала интенсивнее, почти флуоресцирующей, словно под кожей у них зажглись лампы, питаемые всё нарастающим напряжением. Вибрации, исходившие от их тел, заставляли дрожать переборки на два уровня выше.

И вдруг поле — искусственно поддерживаемая зона невесомости и атмосферы, которую Блу создавал и регулировал с момента их рождения — лопнуло. Воздух с шипением и свистом устремился в систему рециркуляции, засасываемый мощными насосами, сработавшими по аварийному протоколу. Аррин, наблюдавший за тем же экраном из своей каю-

ты, уже открыл рот, чтобы крикнуть что-то о катастрофе, но слова застряли у него в горле.

Киты не рухнули на пол.

Они остались висеть в самом центре трюма, в абсолютной пустоте, где не должно было быть ни воздуха, ни опоры, как будто опирались на невидимые, но совершенно реальные лапы. Их тела излучали собственное, теперь уже отчётливо различимое гравитационное искажение — линзы пространства-времени, которые преломляли свет от камер наблюдения, создавая причудливые ореолы. Блу зафиксировал этот эффект мгновенно: каждый кит генерировал поле, достаточное, чтобы удерживать на орбите небольшой астероид.

Милдра затаила дыхание. Смесь страха и восхищения парализовала её на долгие секунды. Это было невозможно. Это противоречило всей физике, которую она знала, всем протоколам, всем учебникам. И это было прекрасно — так, что глаза защипало.

Прямо в её сознание, минуя уши, минуя визуальные образы, минуя все фильтры, которые разум человека выстраивает для защиты от чуждого, ворвались три ясные, настойчивые мысли, слившиеся в хор детских голосов, звучащих на одной ноте, но разными тембрами: **«ГУЛЯТЬ! ИГРАТЬ! КУШАТЬ!»**

Оба кита развернулись к массивным шлюзовым дверям грузового дока. Их плавники со светящимися наростами выписывали в пустоте нетерпеливые дуги — сложные, повторя-

ющиеся фигуры, которые Блу, перехватив сигнал, мгновенно идентифицировал как запрос на открытие внешнего контура. Картинка была настолько очевидной, что не требовала перевода, не требовала слов. *Открой. Выпусти. Нам нужно наружу. Сейчас.*

Милдра нажала на переговорное устройство, и её голос, пройдя через фильтры шумоподавления, зазвучал в динамиках скафандра Аррина твёрдо, почти повелительно — тем тоном, который не допускал возражений, потому что за ним стояло нечто большее, чем приказ.

«Аррин, я спускаюсь в док. Открой им шлюз.»

Голос Аррина в ответ был срезан статикой тревоги, но Милдра слышала в нём не только страх — в нём было то же самое, что и у неё: растерянность перед тем, что выходило за пределы понимания.

«Милдра, подожди. Как? Там же космос, вакуум, радиация! Они... они дышат? У них есть системы жизнеобеспечения? Мы ничего о них не знаем!»

«Не знаю, — честно ответила Милдра, уже выходя из рубки, её шаги — быстрые, упругие — отдавались эхом в пустом коридоре. — Но дети хотят гулять. И я думаю, они знают, что делают. Они знают больше нас. Они всегда знали.»

Она бежала по коридорам «Раста», и каждый шаг отзывался в груди глухим, тяжёлым стуком. В голове стучало: *Они живы, они хотят есть, они могут висеть в пустоте без воздуха, без давления, без защиты. Что, если они могут всё?*

Что, если они могут то, о чём мы даже не догадываемся?

Когда она ворвалась в док, атмосфера уже была стравлена полностью. Датчики на её комбинезоне показывали вакуум, температуру, близкую к абсолютному нулю, и уровень радиации, который в обычных условиях заставил бы её искать укрытие. Массивные двери — многослойная броня, способная выдержать прямое попадание торпеды — с гидравлическим стоном, похожим на вздох, расходились в стороны, открывая чёрный бархат космоса, усеянный звёздами, которые никогда не мигали, потому что между ними и наблюдателем не было атмосферы. И на их фоне — колоссальную, умирающую звезду, занявшую почти четверть видимого пространства. Её багровый свет заливал док кровавым отсветом, превращая металл в покрытое ржавчиной поле боя, а лица — в маски из теней.

Аррин был уже там. Он пристёгнулся к страховочному тросу — единственная данность здравого смысла в происходящем безумии. Его лицо под забралом шлема было бледным, почти таким же белым, как пластик скафандра, глаза расширены, губы сжаты в тонкую линию. Он смотрел на китов так, как смотрят на землетрясение или извержение вулкана — с ужасом, который не может отрицать красоту того, что видит.

Киты не просто плавали в невесомости дока. Они парили, нарушая всякую логику, всякую физику, которую он знал. Их огромные тела были обрамлены едва заметным, мерца-

ющим сиянием — искажённым пространством, личным полем притяжения, которое теперь, без атмосферы, стало видимым не только на приборах, но и невооружённым глазом. Они издавали звуки — в вакууме, где звук распространяться не может, — и Милдра чувствовала их не ушами, а костями, зубами, каждой клеткой тела. Низкие, вибрационные трели, от которых дрожали переборки и мелкая пыль на полу дока начинала танцевать, поднимаясь в воздух — хотя воздуха не было.

«Открывай,» — сказала Милдра, пристёгивая свой трос к ближайшему креплению. Её пальцы двигались быстро, без дрожи, но сердце колотилось так, что она слышала его даже сквозь вакуум — через кости черепа, через вибрацию собственной крови.

Аррин кивнул, его пальцы зависли над панелью управления шлюзом. Он бросил на неё последний взгляд — вопрос, отчаяние, надежда, всё вместе. Она ответила уверенным кивком, тем самым, который когда-то, на другом корабле, в другую жизнь, означал «делай, я отвечаю».

Последние блокировки отключились. Защитное силовое поле, державшее давление и атмосферу, на мгновение вспыхнуло алым — цветом аварийного протокола — и погасло, растворившись в вакууме. Перед китами зиял чистый, ничем не отделённый космос. Бездна, которая не прощает ошибок.

Две тени — серебристая и черно-голубая — ринулись впе-

рѣд. Не с толчком, не с усилием, не с тем механическим напряжением, с которым корабль отрывается от дока. Они просто соскользнули из металлической утробы «Раста» в открытую бездну, как дельфины, ныряющие с утѣса в океан, как птицы, впервые расправляющие крылья над пропастью. И в тот момент, когда они пересекли границу корабля, в сознание Милдры ворвался не образ, не мысль, не слово, а чистая, неразбавленная, оглушающая эмоция: **ВЕСЕЛЬЕ. РЕЗВОСТЬ. СВОБОДА.**

Они не плыли, как корабль на двигателях, не перемещались, подчиняясь инерции или гравитации. Они играли с пространством. Облачко кувыркнулось, его огромное тело свернулось в кольцо, а затем распрямилось, оставляя за собой серебристый след искажѣнного света — шлейф из преломлѣнных лучей умирающей звезды. Капля сделал крутой вираж, его угловатые, почти хищные формы на миг слились с тенью «Раста», а затем он устремился прямо к багровому гиганту, к его кипящей, яростной атмосфере.

«Блу! Следи!» — крикнул Аррин, вцепляясь в поручни так, что побелели костяшки пальцев. Его голос, пропущенный через систему связи, звучал неестественно, с металлическим призвуком.

«Следую, — ответил Blu, и его обычное спокойствие сейчас казалось почти насмешкой над человеческой паникой. — Их биополя стабильны. Более того, они усиливаются. Они создают вокруг себя оболочку из сжатого пространства-вре-

мени — эффект, аналогичный гравитационному манипулятору, но с коэффициентом эффективности, превышающим наши технологии на несколько порядков. Это... естественно для них. Как плавники для рыбы. Как лёгкие для нас.»

Милдра не могла оторвать глаз. Киты, её дети, существа, которых она выносила в собственном теле, переделанном Разломом, ныряли в верхние слои звёздной атмосферы — в море плазмы, где температура измерялась миллионами градусов, где давление могло расплющить крейсер Державы, как консервную банку. Багровые языки хромосферы, вырывающиеся на миллионы километров в пустоту, лизали их шкуры, обтекали их тела, но не сжигали. Они казались там своими — частью этого огня, этого кипения, этого умирания. Облачко погрузился глубже, его силуэт растворился в кипящем оранжевом мареве, и Милдра на миг потеряла его из виду, сердце пропустило удар. Капля кружил у самой поверхности, у самого края, где звезда ещё была видна как диск, и его движения напоминали купание — медленное, ленивое, наслаждающееся.

Прошло полчаса. Тридцать минут немого, замороженного наблюдения. Тридцать минут, за которые Блу записал терабайты данных, Аррин не проронил ни слова, а Милдра, кажется, забыла, как дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.